

Абсолютный пиетет

Тридцать три года назад, везя из Ленинграда в Москву, в Институт философии АН СССР, свою кандидатскую диссертацию на отзыв ведущего учреждения, я и подозревать не мог, с каким удивительным человеком сведет меня и навсегда подружит интерес к Канту. Трудно поверить, что его больше нет, что нельзя приехать к нему в гости, услышать его голос... Тому, кто не был знаком с Владимиром Александровичем, невозможно представить себе уникальное обаяние его личности, усиленное контрастом с неказистой телесной оболочкой. С того далекого уже года началась наша дружба, и приезжая в столицу, я всегда останавливался у него. Это был гений общения, умный, пронизательный собеседник, доброжелательный, заботливый и гостеприимный. С ним всегда было интересно и как-то очень легко, я не помню ни одного момента, когда возникли бы какие-нибудь неловкость или напряжение. Он всегда оставался самим собой, был абсолютно естественным, открытым, откровенным, и высшая степень интеллигентности гармонировала с простотой и крепким словом. Но более всего поражало и восхищало меня то, что каждый раз, через несколько минут после встречи, как только на столе появлялась первая чашка кофе, начинался разговор о Канте. Владимир Александрович не любил обсуждать очередные новости, события и происшествия, мало говорил о людях (хотя изредка давал убийственно точные мгновенные характеристики известным персонам московского философского мира) — его интересовали идеи. Он говорил, я слушал, изредка вставляя реплики и подбрасывая дров в костер разговора. Характерно, что он мгновенно замолкал, как только заговаривал собеседник, и внимательно слушал. О Канте он мог говорить часами, с утра до вечера и за полночь, в любом состоянии. Он жил миром смыслов, и самым притягательным объектом в этом мире была для него интеллектуальная вселенная Канта. Я думаю, что нелюбимое мною слово «кантовед» или малопонятное и слегка уничижительное «кантианец» (стало быть, духовно

зависимый человек, как и «тегельянец», например) упускают нечто самое существенное в его отношении к Канту. Нет, он не был «кантоведом», хотя нет в России человека, знающего Канта лучше него. Кант не был для него лишь «предметом исследования» — он был для него живым человеком, постоянным собеседником. Не был Владимир Александрович и «кантианцем», сохранив свою духовную самостоятельность и критическое отношение к учителю, неоднократно выраженное в публичной печатной форме. Кантианцев в строгом и точном смысле слова, по его собственным словам, в мире не было, нет, и вряд ли они возможны вообще. Кантовская философия невероятно поучительна, но она учит, оставляя нас свободными. Умственная свобода и глубокая, самостоятельная внутренняя духовная работа, связанная с настоящей духовной жадью, не только не исключают, но необходимо предполагают то, что можно назвать абсолютным пиететом к высшему началу. Чувство, которое вызывают в душе абсолютная поэтическая гениальность Пушкина или музыкальная — Моцарта. Заблуждаются те, кто думает, будто лишь в отношении к Богу оно истинно и благотворно, а во всех иных случаях ведет к идолослужению. Это чувство испытывал Владимир Александрович, беря в руки тома сочинений Канта (кажется, он — единственный человек в России, у которого было практически полное академическое немецкое собрание сочинений Канта) — преклонение перед мыслью философского гения, бесконечное уважение к ней. Философия Канта обладала для него какой-то редкостной духовной притягательностью, вызвала особенное к ней отношение, напоминающее то «удивление и благоговение» которое испытывал сам Кант перед таинственной, бездонной глубиной звездного ночного неба, сознавая одновременно сверхчувственную силу собственной души. Сквозь тексты Канта просвечивала тайна, вечная загадка устройства мироздания и устройства человеческой жизни. Они вызывали у него чувство сопричастности чему-то великому и высокому, к некоему настоящему, сверхвременному духовному сообществу. Он испытал на себе удивительное, человеческое, облагораживающее и возвышающее воздействие кантовской философии на тех, кому посчастливилось с ней соприкоснуться и как следует вникнуть в нее. Я думаю, что в философии Канта он видел наиболее полное воплощение и обоснование мысли, высказанной как-то Владимиром Соловьёвым: интересы современной цивилизации — те, которых не было вчера и не будет завтра; позволительно предпочесть то, что одинаково важно в любое время. В этом, собственно, и состоит суть философии, а не в истолковании настоящего или предвосхищении будущего. С. С. Аверинцев дал как-то весьма нетривиальное определение филологической науки как «службы при тексте». Научная, да и личная жизнь Владимира Александровича во многом — настоящая «служба при Канте», которая, по сути, была верной службой при подлинной философии, службой, требующей не только ума и таланта, но и большой душевной силы, огромного и в высшей степени добросовестного труда, интеллектуальной честности перед собой и другими, а нередко — мужества и благородства. Эти человеческие качества, между прочим, определили и отношение Владимира Александровича к марксизму и советскому периоду в истории нашей страны. Он был человеком «одной крови» со своим университетским учителем В. Ф. Асмусом, разве что учитель тяготел к спокойной и систематической научной работе, академическому стилю преподавания, а ученик, кажется, больше любил философию как «сознание вслух». Не случайно одного лишь Мераба Константиновича (не считая, разумеется, Канта) он назвал при мне Философом. Несмотря на исключение из комсомола и университета по идеологическим мотивам и несокрушимые либе-

ральные убеждения, устоявшие даже после ельцинско-гайдаровской приватизации, он не был «диссидентом» и видел правду марксизма. Ему не было нужды быть «инакомыслящим», поскольку достаточно быть просто мыслящим, особенно имея перед мысленным взором вечное мерило истинной величины социальных и духовных явлений.

Двадцать с лишком лет назад я написал на обороте титульного листа своей первой книги: «Владимиру Александровичу — с абсолютным пиететом». Он прочитал, улыбнулся с хитрецей и сказал: «не сотвори себе кумира!» Я благодарен судьбе, подарившей мне знакомство и дружбу с этим светлым, умным, добрым человеком, и не собираюсь прощаться с ним. Войдя однажды в мою жизнь, он уже никуда из нее не уйдет.

*С. А. Чернов, д-р филос. наук, проф.,
заведующий кафедрой социально-политических наук
Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций
им. М. А. Бонч-Бруевича*